

Алексей Тепляков

«Детское дело» в Кузбассе: к подоплёке открытого процесса 1939 г. над чекистами — «нарушителями законности»

При рассмотрении трагических событий эпохи 1937–1938 гг. актуально выглядит вопрос о воздаянии тем, кто уничтожил и превратил в лагерную пыль полтора миллиона сограждан. Историк А.Ю. Ватлин пишет, что Сталин на исходе Большого террора ужаснулся деяниям чекистов¹. На деле вождь, прекрасно знавший, на что способен НКВД, ощутил, что общество не только подавлено, но и возмущено действиями властей, поэтому сделал козлами отпущения ряд «плохих чекистов». И даже велел — в отдалённой Сибири — провести открытый и единственный процесс над теми, кто «перегнул» и, таким образом, особенно скомпрометировал власть. Этот процесс над рядовыми участниками террора прошёл в феврале 1939 г. в Новосибирске, коснувшись троицы чекистов из г. Ленинск-Кузнецкий современной Кемеровской области — начальника ГО НКВД А.Г. Лунькова, его помощника А.И. Савкина, оперативника А.И. Белоусова и исполнявшего обязанности городского прокурора Р.М. Клиппа. Газета «Советская Сибирь» в трёх номерах опубликовала довольно крупные по объёму материалы судебного заседания и приговор. Далее была тишина². Однако напечатанные в «Советской Сибири» фрагменты стенограммы процесса, в которых откровенно говорилось о фабрикации политических обвинений против детей и подростков, запомнились современникам.

Первое известное упоминание о процессе над чекистами Кузбасса встречается в появившейся в США в 1953 г. книге советского резидента НКВД и невозвращенца А.М. Орлова: «В конце февраля 1939 года в советских газетах появилось сообщение об аресте некоего Лунькова, начальника управления НКВД в Ленинске-Кузнецке, и его подчинённых за то, что они арестовывали малолетних детей и вымогали у них показания, будто те принимали участие в заговоре с целью свержения советского правительства. Согласно этому сообщению, детей держали в переполненных камерах, вместе с обычными уголовниками и политическими заключёнными. В газетах был описан случай, когда десятилетний мальчик, по имени Володя, в результате допроса, длившегося всю ночь, сознался, что в течение трёх лет состоял в фашистской организации»³. Это сообщение в целом довольно точно передаёт смысл публикации в газете «Советская Сибирь», хотя обвинение в свержении правительства детям не предъявлялось.

Историк Р.А. Медведев, перенося сведения из «Советской Сибири» в свой известный труд о Сталине, резко увеличил количество арестованных и сроки их содержания под стражей: «...в городе Ленинск-Кузнецкий арестовали 60 детей 10–12-летнего возраста, якобы создавших «контрреволюционную террористическую группу». Восемь месяцев этих детей держали в городской тюрьме. Одновременно были заведены «дела» на ещё 100 детей. Возмущение этим в городе было столь сильно, что пришлось вмешаться областными организациями. Детей выпустили на свободу и «реабилитировали», а работников НКВД... привлекли к судебной ответственности»⁴.

Р. Конквест в «Большом терроре», ссылаясь на публикацию «Советской Сибири» от февраля 1939 г. и материалы самиздата, совершенно некорректно сообщает, что «сто шестьдесят детей, главным образом в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет, были арестованы и, после строгих допросов, признали себя виновными в шпионаже, террористических актах, измене и связях с гестапо». Между тем в газете говорилось, хотя и не вполне чётко, о том, что, по мнению чекистов, «детский заговор» включал до 160 участников (из которых, как говорят цитируемые ниже документы, на деле было арестовано порядка 10%, в основном старше 14 лет). Таким образом, в зарубежной литературе с выходом знаменитого труда Конквеста появилась авторитетная точка зрения о массовом репрессировании детей в Ленинске-Кузнецком⁵.

Опубликованные в 1988 г. сенсационные «Ненаписанные романы» популярного писателя Ю. Семёнова, выданные за откровения старых большевиков, на деле в основном восходили к всё тому же А. Орлову: это и подробности московских процессов,

и легенда о расстрелянном в 1933 г. замнаркоме земледелия СССР Ф.М. Конаре как якобы замаскированном польском шпионе, и рассказ о жестоком следователе И.И. Чертоке, и уверения, что маршала Тухачевского вместе с поделщиками казнили без всякого суда... Один из героев книги Семёнова якобы рассказывал автору: «Когда Ежов исчез, после Восемнадцатого съезда уже, я прочитал в газетах отчет о судебном процессе над Луньковым, бывшим начальником НКВД в Кузбассе, который арестовывал малолеток и выбивал из них показания, что они, мол, готовили теракт против товарища Сталина. □ Вот после того, как открытый суд приговорил Лунькова к расстрелу, я и решил вернуться в Москву □ 6 От себя романист добавил к информации Орлова обвинение детей в подготовке теракта против Сталина и уверенность, что фальсификатор Луньков был приговорён к расстрелу, а также перенёс процесс на период после XVIII партсъезда.

В современной литературе о так называемом «детском деле» упоминается обычно кратко. Единственная небольшая публикация, посвящённая делу целиком, тоже эмоционально преувеличивает его масштабы: «В считанные дни в Ленинске-Кузнецком все кутузки забили ревущими, матерящимися благим матом детьми. Чумазый шахтерский городок обуял страх»⁷. Документы Новосибирского обкома ВКП (б) и управления ФСБ, а также некоторые опубликованные материалы позволяют уточнить обстоятельства фабрикации «детского дела», выяснить численность репрессированных подростков, имена части из них, а также проследить судьбы чекистов-фальсификаторов. Понимание причин возникновения данного дела требует нескольких предварительных замечаний.

Для 1930-х гг. был характерен очень высокий уровень преступности, в том числе детской. О ситуации с дисциплиной в учебных заведениях наглядно говорит список 23 учеников, исключённых из школ Новосибирска в начале 1935 г. за следующие проступки: «покушение на убийство ученика»; «в школе порезал ученика»; «нанесение ножевой раны»; «поножовщину [и] за попытку изнасилования ученицы 6 кл.»; «нападение с ножом на ученика»; «нанесение раны»; «выход с ножом и наганом на улицу, нападение с шайкой хулиганов на одного гражданина и избивание его»; «организация шайки»; «торговля на толкучке краденными вещами»; «хождение с ножами»; «школу превращал в уборную»; «распространение порнографической литературы среди учащихся» и т. п. Тем не менее Запсибкрайком ВКП (б) осенью 1935 г. относил исключительно к проишкам классового врага многочисленные факты «создания хулиганских шаек из учащихся, убийство и запугивание лучших учеников пионеров □ в некоторых школах гг. Новосибирска, Сталинска, Бийска, в Тогучинском и Старо-Бардинском районах, наглые преступления и насилия над девушками в Алтайской средней школе»⁸. Мнение о школьном хулиганстве как результате влияния антисоветской агентуры было характерно для позиции властных структур данного периода.

До 1937–1938 гг. пресловутая ст. 58 УК РСФСР, насколько можно судить, не применялась к лицам моложе 16 лет. Как известно, ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г. постановили несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилий, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекать к суду с применением всех мер уголовного наказания. Но распространительному толкованию данный закон не подлежал, поэтому по другим видам преступлений несовершеннолетние до 16 лет не привлекались к уголовной ответственности. Таким образом, и ст. 58 УК по закону также не могла быть применена к лицам моложе 16 лет⁹.

Между тем хулиганские выпады с политической подкладкой со стороны школьников были обыденностью того времени и отслеживались чекистами повсеместно. Вот примеры середины 1930-х гг. по Барнаулу. Ученик 7-го класса школы N 22 Г. П. Кольцов, разорвавший осенью 1935 г. перед группой учащихся портрет Ленина, был арестован чекистами и привлечён по ст. 74 УК, каравшей за хулиганство. В январе 1936 г. была арестована ученица 10-й барнаульской школы Киселёва (дочь учительницы), которая в течение последней недели 1935 г. распространяла в школе «контрреволюционный нелегальный» журнал «Не сдадимся!». В том же январе 1936 г. к судебной ответственности были привлечены ученики 2-й неполной средней школы братья Александр и Иван Репины: 17-летний Александр — за порчу портретов вождей, а ученик 4-го класса Иван — за попытку сорвать траурное заседание памяти Ленина, с которого

по его громкому призыву убежало более 15 учеников. В конце 1936 г. горотдел НКВД вёл расследование по делам учащихся школы N 5 Карпова и Неразик, изорвавших сталинский портрет¹⁰.

Но в 1937 — 1938 гг. чекисты расширительно толковали закон от 7 апреля 1935 г., и аресты подростков по самым тяжёлым пунктам ст. 58 УК являлись нередким делом. Так, чекистская сводка, отправленная в Новосибирский обком ВКП (б), гласила, что в школе на ст. Новокузнецк 5 ноября 1937 г. 14-летний ученик 6-го класса Храмцов разложил по партам десять листовок следующего содержания: «Внимание, нашей партией под начальством меня будет писаться каждый день «Да здравствует Гитлер — наш луч». Отец Храмцова в 1905 г. принимал участие в подавлении восстаний революционных рабочих. Отец и сын арестованы». А, например, начальник Беловского РО УНКВД по Новосибирской области М.М. Портнягин в 1938 г. разоблачил «молодёжную контрреволюционную террористическую группу» на курсах ясельных сестёр¹¹. Высокая преступность среди подростков подвигла чекистов Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД (под давлением областного начальства, заинтересованного в максимально большом количестве разоблачённых «организаций») на поиски политической подкладки в эпизодах хулиганства и поножовщины — с целью вскрытия очередного контрреволюционного заговора. «Детский процесс», готовившийся к судебному рассмотрению, должен был продемонстрировать особую бдительность кузбасских чекистов.

Большой террор в Ленинске-Кузнецком, как и в других городах Новосибирской области, отличался крайней жестокостью, причём репрессиям подвергались и сами проводники террора. В результате кадровой чехарды за 1932 — 1936 гг. в горотделе НКВД сменилось шесть руководителей — за пьянство, служебные проступки и т. д. 12 Работавший с ноября 1936 г. начальником горотдела НКВД И.Ф. Золотарь был арестован в феврале 1938 г. за целый ряд должностных преступлений (он обвинялся не в арестах сотен людей, а в конвоировании арестованных в баню днём по городу в открытых машинах, из-за чего на улицах собирались толпы родственников; в избиении сотрудников ГО и работников телефонной станции; незаконном аресте двух милиционеров, интимных связях с подчинёнными сотрудницами; присвоении ружья фирмы «Зауэр» и пр.) и осуждён на 5 лет заключения¹³. О том, что чекисты горотдела не всегда успевали зарывать трупы своих жертв, показал сам начальник УНКВД по Новосибирской области Г. Ф. Горбач, заявив, что в Ленинске-Кузнецком «приговора в исполнение были приведены в таком месте и так, что на второй день какой-то человек натолкнулся на место, где был обнаружен труп»¹⁴.

Сменивший опытного чекиста Золотаря 35-летний А.Г. Луньков имел не менее богатую биографию: с 16 лет участвовал в Гражданской войне, командовал эскадрой ЧОН, работал нарсудьей и участковым прокурором. В 1929 г. из прокуратуры перешёл в ОГПУ, в 1935 г., будучи уполномоченным ЭКО УНКВД ЗСК, был под следствием по ст. 193–17 УК «за неправильные оперативные мероприятия по вскрытию контрреволюционной группы». В 1937 г. в качестве старшего оперуполномоченного УНКВД ЗСК-НСО продолжительное время фактически руководил Куйбышевским оперсектором НКВД, организовывая террор и массовые расстрелы на севере Новосибирской области¹⁵, затем — начальник 4-го отделения контрразведывательного отдела УНКВД НСО. С февраля по декабрь 1938 г. работал в Ленинске-Кузнецком, был удостоен высшей ведомственной награды — знака почётного чекиста (май 1938 г.). По характеристике секретаря ГК ВКП (б) М. Творогова, «с приездом т. Лунькова... горотдел стал работать значительно лучше и четче. При его участии была ликвидирована... недисциплинированность и распущенность среди младшего и старшего нач. состава... парторганизация горотдела... решительно очищала свои ряды от случайно пробравшихся людей...» Сам Луньков уверял, что его несомненное достижение — «приближение аппарата к рабочим-шахтерам», среди которых проводились беседы о бдительности и зачитывались соответствующие доклады. В 1938 г. Луньков был введён в состав ревизионной комиссии Новосибирского обкома ВКП (б)¹⁶.

Прибыв в Ленинск-Кузнецкий, Луньков немедленно вскрыл несколько крупных «организаций», в т. ч. среди подростков. Как впоследствии показал на суде основной

следователь по «детскому делу» А.И. Белоусов, «Луньков сказал мне, что нигде не берутся за дело так, как мы. И если мы проведем это дело, то авторитет наш поднимется высоко»¹⁷. Ближайший куратор Белоусова, начальник секретно-политического отделения (СПО) горотдела А.И. Савкин, был под стать Лунькову. Ещё летом-осенью 1937 г., привлекаясь для помощи следствию в аппарате СПО УНКВД по Запсибкраю, Савкин не жалел усилий для разоблачения врагов народа. В 1956 г. этот чекист, вспоминая проведённые им следственные дела, показывал, что арестованных держали сутками сидя и стоя без еды и сна, и что он не помнит ни одного из них, кто бы подписал признание без физического и морального воздействия. Не менее откровенно Савкин заявил, что переутомлённые допросами следователи, страдая от бессонницы, «доходили до такого состояния, что не могли здраво рассуждать, и лично я был в таком состоянии, что своей жене не верил, что она советский человек»¹⁸.

В письме из тюрьмы от 26 марта 1939 г. осуждённый Луньков, как и годом ранее, уверял партийное начальство, что в городе активно действовали взрослые уголовные и антисоветские элементы, «используя в своих целях ранее исключённых за проступки и преступления бывших учащихся детей репрессированного органами НКВД элемента». Следствием вражеской работы и «засоренности» школ, по мнению Лунькова, стала очень низкая успеваемость в 1937/38 учебном году — всего 20–25%. В конце февраля 1938 г. Луньков доложил свои соображения относительно разгула антисоветской работы среди несовершеннолетних начальнику УНКВД Горбачу, а 3 марта поставил этот вопрос на бюро горкома ВКП (б), попросив помощи в налаживании школьной воспитательной работы. Тем не менее за март, согласно сведениям Лунькова, преступная деятельность только усилилась: были зафиксированы несколько ранений пионеров, избиение комсомольцев. И тогда Луньков обратился в управление НКВД с информацией о вскрытии им большого «детского заговора»¹⁹.

В спецсообщении от 4 апреля 1938 г., подписанном Луньковым и исполнявшим обязанности начальника СПО горотдела А.И. Савкиным, которое адресовалось Горбачу и начальнику СПО УНКВД К.К. Пастаногову, говорилось, что в феврале-марте 1938 г. в Ленинске-Кузнецком была вскрыта контрреволюционная организация, планировавшая расширяться за счёт вербовки учащихся, агитировать «за срыв занятий в школах и оставление учебы», терроризировать лояльную к власти молодёжь и «передовиков учебы», осуществлять моральное разложение молодёжи «путем втягивания в пьянки, половое сожительство и совершения хищений», а также внедрять в её ряды фашистские лозунги, популяризировать «методы троцкизма» и клеветать на вождей. Организация состояла из четырёх групп и насчитывала свыше 60 участников.

В первой группе состояло до 25 учеников четвёртых-шестых классов школ N 2, 3, 4 во главе с 14-летним А.Г. Курбатовым, сыном репрессированного «врага народа», исключённым из школы за хулиганство. Второй группой руководил исключённый из школы за хулиганство 12-летний Паршин-Соколов, организовавший в своей квартире притон, посещавшийся двумя десятками учеников шестых-восьмых классов школ N 10 и N 11. Третья группа состояла из десятка учеников восьмых-десятых классов школы N 2 и школы горнопромышленного ученичества; лидер — 17-летний ученик горнопромышленной школы Ф.П. Шутов. Ещё до десяти учеников седьмых-десятых классов разных школ города составляли четвёртую группу, о руководителе которой у чекистов не было сведений.

Этим группам приписывались активные антисоветские действия: например, в школе N 2 «имеют место факты рисования на стенах в карикатурном виде СТАЛИНА и других вождей», а в начале марта в той же школе обнаружилась вырезанная на дереве «физиономия Троцкого» с надписью «друг народа». Приведя эти и подобные им факты, чекисты подытожили: «Ведём следствие с задачей вскрыть к-р центр и руководящую головку, т. к. есть предположение, что инициатива создания [организации] принадлежит взрослым из числа родственников репрессированного нами элемента»²⁰.

Начальник УНКВД немедленно поддержал инициативу чекистов. Уже 5 апреля 1938 г. Горбач позвонил Лунькову и предложил арестовать пятерых, включая троих несовершеннолетних, «за проведение прямой контрреволюционной деятельности». Горбач подчеркнул, что подобная деятельность ведётся в остальных городах Кузбасса

и Новосибирске. На спецсообщении он наложил следующую резолюцию: «Сегодня же послать Шапир[а], нужно всю группу ликвидировать»²¹. Сотрудник областного аппарата СПО М.М. Шапир — активист террора, участник в декабре 1937 г. фабрикации расстрельного дела на врачей Новосибирска — в 1938 г. осуществлял агентурное «обслуживание» объектов народного образования и детских учреждений. Прибыв в Ленинск-Кузнецкий, Шапир всемерно помогал, по чекистскому жаргону, «развернуть дело», составив списки подлежащих репрессиям подростков и проведя ряд арестов. Первых арестованных обвинили в том, что они хотели сорвать празднование Первомая, рвали лозунги и портреты вождей, избивали тех школьников, которые собирались идти на демонстрацию.

Тем временем 19 апреля 1938 г. бюро Ленинск-Кузнецкого горкома ВКП (б) обратилось в обком с просьбой организовать в городе показательный процесс над классовыми врагами, пытавшимися развалить воспитательную работу в школах. 20 апреля Шапир увёз обвинительные материалы в Новосибирск, где они поступили в распоряжение аппарата СПО. Три дня спустя в Ленинск-Кузнецкий пришла директива из областного центра: предать суду 11 чел., в том числе семерых несовершеннолетних²².

Минский исследователь И.Н. Кузнецов, процитировавший обвинительное заключение на осуждённого в 1940 г. бывшего начальника СПО УНКВД НСО К.К. Пастаногова, приводит оттуда следующие факты: Пастаногов в конце 1937 — начале 1938 г. выезжал в Колпашево и города Кузбасса (Анжерку, Ленинск, Прокопьевск) для проведения оперативных совещаний по вопросу активизации «массовых операций», где давал работникам НКВД провокационные установки на аресты граждан; также обвинялся в том, что по указанию начальника УНКВД Горбача в апреле 1938 г. дал распоряжение Лунькову арестовать 60 детей в возрасте до 12 лет и оформить на них дела как на участников контрреволюционной фашистской организации, в результате чего репрессированные дети находились под стражей почти 8 месяцев²³. Обвинительные материалы на чекистов в те годы оформлялись не с намного большей точностью, чем на остальных репрессированных. На деле 60 детей были не арестованы, а на них подготовили материалы и, возможно, справки на арест, а в перспективе готовились материалы на организацию в составе 160 чел. Среди арестованных было «только» несколько детей моложе 12 лет. И восьмимесячный срок предварительного заключения отбывали не 60 детей, а «лишь» несколько из них.

Чекистско-милицейская информация о высокой преступности в школах Ленинска-Кузнецкого использовалась для внедрения во властную верхушку мнения о разлагающем влиянии на детей представителей семей арестованных «врагов» и необходимости их разоблачении. В письме начальника УРКМ С.С. Семёнова в обком ВКП (б) от 20 октября 1938 г. говорилось, что среди причин, способствующих большой преступности среди несовершеннолетних, является «влияние классово-чуждого и к-р элемента, особенно членов семей репрессированных врагов народа, умышленно толкающих детей на совершение уголовных преступлений». Так, в школе N 8 Ленинска-Кузнецкого учитель Манчук «внушал детям упаднические настроения, постоянно цитировал им Есенина. Под влиянием Манчука двое школьников начали воровать... Обнаглевший Манчук повел открытую к-р агитацию, извращенно толкуя Сталинскую Конституцию, за что и был арестован милицией». Была найдена возможность обвинить и тех, кто оформлял школьные помещения: «Комнаты отдыха по отдельным школам оборудованы вредительски, например, в школе N 18 стены обиты чёрным материалом, преобладают наглядные пособия по анатомии, которые производят удручающее впечатление на детей» □ Не случайно среди учащихся школ г. Ленинск-Кузнецкого была вскрыта и ликвидирована к-р группа молодежи из 14 чел... у большинства арестованных участников... [к-р группы] родители оказались еще ранее репрессированными как враги народа». Далее начальник областной милиции сообщал, что за апрель — сентябрь 1938 г. всего был привлечён к уголовной ответственности 541 несовершеннолетний, в т. ч. 149 учащихся²⁴. Речь шла, разумеется, о репрессированных почти исключительно за общеуголовные преступления.

Вопреки мнениям об огромном размахе арестов детей в Ленинске-Кузнецком (от 60 до 160 чел.) репрессиям подверглось менее 15 несовершеннолетних, но этого количества

оказалось достаточно, чтобы слухи о массовых арестах школьников широко распространились, выйдя за пределы города. Молву подогревали ночные допросы школьников чекистами, а также достоверный арест 10-летнего мальчика и девочек-подростков. Возможно и то, что часть детей задерживалась на короткое время без оформления документами. Широкой огласке событий в шахтёрском городке способствовали как эффективный тюремный «телеграф», так и перевод части арестованных детей в другие тюрьмы.

Первые аресты в Ленинске-Кузнецком были проведены 5 апреля 1938 г. и коснулись шестерых: вора-рецидивиста (чекисты называли его также убийцей) с четырьмя судимостями С.О. Балуева-Клюева, 1916 г. р.; А.Г. Курбатова, 1923 г. р.; исключённого из школы за воровство П. Паршина, 1923 г. р.; исключённого из школы за хулиганство Д.А. Коромылова, 1923 г. р.; шахтного кучера И.М. Баранова, 1918 г. р.; учащегося школы горнопромышленного ученичества Ф.П. Шутова, 1921 г. р. По их показаниям с 16 по 18 апреля чекисты арестовали ещё 11 чел., в основном школьников, из которых шестеро были моложе 16 лет, а один — взрослый судимый вор Е.С. Старцев, 1901 г. р. В этой группе и находились дети 10–12 лет. По приказу начальника УНКВД 26 апреля были освобождены 6 чел. под подписку о невыезде, под стражей оставлены 10 чел., в т. ч. П. Паршин, Бузылев, 1923 г. р., Кабанов, 1922 г. р. Этой десятке были предъявлены обвинения по ст. 58–2–8–11 УК как участникам контрреволюционной диверсионно-террористической повстанческой организации²⁵.

Новый начальник УНКВД И.А. Мальцев придавал «детскому делу» большое значение. Он затребовал его к себе и 23 июня 1938 г. возвратил на доследование, недовольно указав, «что «следователи» забыли самое главное — дать политическую окраску дела, установить вражескую работу фашистско-троцкистской агентуры среди учащейся молодежи»²⁶. Под диктовку следователей 22-летний Балуев-Клюев, сделанный одним из организаторов «контрреволюционной организации», показывал: «...Находясь в лагерях и имея общение с заключёнными за контрреволюционные преступления, последние в беседах со мной прививали мне ненависть к Советской власти... против вождей партии и государства. Эта почти повседневная связь с антисоветским элементом... положила во мне контрреволюционные закручивания, и я по выходе из лагерей встал на путь проведения антисоветской деятельности». 12-летнему Вите Логунову чекисты сначала записали прямое обвинение в контрреволюционной работе по заданию организации, но потом формулировка оказалась смягчена: «...контрреволюционное преступление совершил, не придавая должного значения и как малолеток был вовлечен... под силой угроз...» В связи с этим Логунова освободили «за маловажность состава преступления»²⁷. Следователи, подгоняемые Луньковым, очень старались (как цинично показывал суду ветеран ВЧК-НКВД А.И. Белоусов, детей допрашивать было легко), однако многообещающее дело не успело дойти до суда. Савкин на процессе утверждал, что оно затянулось, так как долго путешествовало из Кузбасса в Новосибирск и обратно²⁸.

В сентябре «детское дело» оказалось в военной прокуратуре СибВО и надолго там застряло. Весной 1938 г. центральные власти обратили внимание на массовые аресты и осуждения ни в чём не повинных людей милицейскими тройками по обвинению в принадлежности к преступному и «социально-вредному» элементу. В некоторых регионах Сибири (например, Алтайском и Красноярском краях, Новосибирской области) целый ряд милицейских начальников был осуждён трибуналами за неразборчивые аресты граждан в рамках огромных лимитов на изъятие криминальных лиц. Отягчающим обстоятельством для милиционеров г. Рубцовска Алтайского края стало содержание под стражей 12-летнего мальчика, для сотрудников Черногорского РОМ УНКВД по Красноярскому краю — арест и осуждение в качестве «деклассированного элемента» восьми 14–15-летних подростков²⁹. Возможно, учитывая эти обстоятельства, вр. и. д. военного прокурора Киреев не рискнул направить дело в суд. Быстро же вернуть его чекистам в связи с неудовлетворительным качеством расследования было достаточно опасно для самих прокуроров — так, 24 сентября 1938 г. в Новосибирске был арестован исполнявший обязанности прокурора войск НКВД Западно-Сибирского округа М.М. Ишов,

успевший привлечь к ответственности за фабрикацию дел, в т. ч. на «социально-вредный элемент», целый ряд чекистов и милиционеров³⁰.

Тем временем часть свидетелей отказалась от показаний. Например, Анисеева заявила: «Случаев срыва учениками плакатов, лозунгов и портретов вождей... равно как и [случаев изображения] фашистских знаков, я не наблюдала, и если это записано от моего имени в моих показаниях от 17 апреля 1938 г., то это не соответствует действительности и таких показаний я не давала. О том, что такие слухи были, я слышала со слов учителей»³¹. Прокурор Киреев колебался почти два месяца и лишь 11 ноября 1938 г. постановил вернуть дело на доследование — с предложением освободить малолетних Кабанову и Паршина, а Курбатову, Бузылеву и Сарафанову предъявить обвинение по «хулиганской» ст. 74 УК. При этом военюрист 2-го ранга Киреев предложил всем остальным вменить ст. 58 (пункты 8, 10, 11) через соучастие, выбросив обвинение в повстанческих намерениях, но оставив организованный террор и антисоветскую агитацию, что, естественно, нарушало закон от 7 апреля 1935 г. Затем были освобождены Ковтюх и Кудрявцев, а суду в итоге подлежали четверо: С.О. Балуев-Клюев, П.В. Башарин, 1919 г. р. (вор, вместе с Кудрявцевым и Ковтюхом, по заданию Балуева-Клюева, срывал портреты вождей, революционные лозунги и плакаты, «писал на стенах, заборах антисоветские выражения», распространял среди детей контрреволюционные анекдоты и частушки, лично избивал пионеров и комсомольцев); Е.С. Старцев (воровал, содержал притон, рассказывал детям антисоветские анекдоты, 12 декабря 1937 г. в присутствии школьников, нецензурно выражаясь, разорвал портрет Ленина); А.Г. Курбатов (имел три привода в милицию, избивал пионеров, ранил школьницу ножом, срывал революционные лозунги и плакаты)³².

После совместного постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. массовые аресты были прекращены; начался процесс выявления «врагов» и «перегибщиков» среди чекистско-прокурорских и партийных работников. В этом же ноябре оказались арестованы первый секретарь Новосибирского обкома ВКП (б) И.И. Алексеев и бывший начальник УНКВД Г. Ф. Горбач. Обком, получив сведения об арестах школьников в Кузбассе, провёл (возможно, по указанию Москвы) расследование инцидента. В Ленинск-Кузнецкий отправились видные законники: прибывший из Москвы помощник Главного военного прокурора Дорман и заместитель облпрокурора Зайцев. Во время бесед с прокурорами все дети отказались от признаний. На вопрос, что такое фашизм, кто такие фашисты и где их дети видели, малолетние арестанты отвечали: «фашистов мы видели в кино, на экране, они ходят в белых шапочках». Относительно встреч с троцкистами и бухаринцами ответ был конкретней: «таких мы видели в тюрьме, где мы сами вместе с ними сидели». Про участие в организации дети поясняли: «А вот если Гришка Мишку ударил где-нибудь или толкнул его, или галстук пионерский потуже затянул — значит мы состояли в организации»³³.

В подготовленной новосибирским облуправлением НКВД 23 декабря 1938 г. справке об оперативно-следственных мероприятиях Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД по делу «группы, проводящей уголовную и антисоветскую деятельность среди учащихся школ» города, поддерживалась версия следствия и говорилось, что по «ряду школ хулиганские выходки со стороны учащихся принимали форму... прямых антисоветских проявлений, а отдельные школы в этом отношении оказались явно неблагополучными». Так, в школе № 4 после октябрьских торжеств 1937 г. из классной комнаты, где занимались шестиклассники, исчезли портреты Ленина и Сталина, которые «после вывешены обратно с выколотыми глазами и обрезанными ушами». В школе № 3 второклассник Климов во время беседы о том, как «контрреволюционная троцкистская группа хотела физически уничтожить руководителей партии и правительства», заявил: «Сталина убьют и Советской власти не будет». Справка, подписанная руководством УНКВД, отмечала распространение среди учеников хулиганства и пьянства, случаи избиения школьников, угрозы учителям³⁴.

В то же время авторы чекистской справки признавали, что показания обвиняемых несовершеннолетних «записывались в формулировках, недоступных их пониманию». Виновными объявлялись начальник Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД А.Г. Луньков и его помощник А.И. Савкин³⁵. Из этой информации и исходило бюро обкома, рассмотревшее

«детское дело». 27 декабря 1938 г. оно постановило исключить из партии и отдать под суд Лунькова, Савкина и исполнявшего обязанности горпрокурора Р.М. Клиппа. Оперуполномоченный А.И. Белоусов увольнялся из НКВД, а бывший горпрокурор Максимов — из органов прокуратуры. Начальнику СПО УНКВД Пастаногову, курировавшему дело, был объявлен выговор с занесением в личное дело «за безответственное и непартийное отношение к своим обязанностям»; аналогичное взыскание получил и. о. начальника 9-го отдела УНКВД Е.Ф. Дымнов, бывший заместитель Пастаногова. Вопрос об ответственности участвовавших в следствии работников СПО областного аппарата М.И. Носова и Миронова был передан в первичную партийную организацию (Носова вскоре уволили из «органов»). Начальнику управления НКВД И.А. Мальцеву бюро указало «на допущенную им политическую ошибку... дал совершенно неправильное указание ГО НКВД о политизации дела и утвердил постановление о направлении дела в суд»³⁶ (перед тем Мальцев посылал в Ленинск-Кузнецкий доверенного человека изъять свою директиву о политизации дела, но Луньков успел её скопировать и она послужила важной уликой; Мальцев был арестован 25 января 1939 г.).

Можно думать, что в Новосибирске (а очень возможно и в Москве) знали о широком недовольстве жителей Ленинска-Кузнецкого арестами детей. Также логично предположить, что в аппарате ЦК ВКП (б) предварительно согласовали с новосибирскими властями формулу постановления бюро. Характерно, что бюро во главе с исполнявшим обязанности секретаря обкома Г. А. Борковым не ограничилось направлением своего постановления Л.П. Берии и А.Я. Вышинскому, постановив «просить ЦК ВКП (б) разрешить обсудить настоящее постановление во всех первичных парторганизациях рай- и горотделов НКВД, районных и городских прокуратур и парторганизациях облУНКВД и областной прокуратуры». Обсуждался ли этот документ чекистами, сведений нет, но известно, что пока Мальцев оставался начальником УНКВД, он не позволял арестовать Лунькова, и последний оказался взят под стражу неделю спустя после ареста Мальцева³⁷. Уже 2 января 1939 г. Вышинский направил Сталину записку о нарушениях законности чекистами Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД и работниками облпрокуратуры. На следующий день Сталин ответил Прокурору СССР: «Необходим открытый суд над виновниками». Но уже неделю спустя вождь, восстанавливая репутацию чекистов, разослал на места свою знаменитую телеграмму о разрешении работникам НКВД пытаться арестованных³⁸. Тем не менее судебный процесс состоялся. Он прошёл в Новосибирске с 20 по 22 февраля 1939 г., причём о дате его начала и месте проведения «Советская Сибирь» объявила 17 февраля, огласив фамилии подсудимых, место работы и общую формулу обвинения: «грубейшие нарушения социалистической законности при ведении следствия» (аресты детей не упоминались). Председательствовал на судебных заседаниях бригавоенюрист Г. Н. Кулик, обвинение поддерживал военный прокурор СибВО бригавоенюрист И.К. Лиховидов; четвёрку обвиняемых защищали два адвоката. Первые две публикации занимали скромное место на последней странице газеты, но итоговый материал с подробным изложением речи военного прокурора занял пять из шести колонок последней страницы номера за 24 февраля. Среди зрителей была делегация школьных работников из Ленинска-Кузнецкого. По воспоминаниям учительницы Э.Б. Луговой, лишь милицейская охрана спасла обвиняемых от самосуда со стороны толпы многочисленных зрителей, разгневанных как обстоятельствами фабрикации «детского дела», так и циничным поведением подсудимых³⁹.

Публикация материалов процесса была строго дозирована и не давала возможности получить информацию о вине более значительных лиц, нежели трое провинциальных чекистов и прокурор. О многочисленных настоящих хулиганах и поножовщине также не было сказано ни слова, напротив, анонимный автор репортажей умильно восклицал: «В Ленинск-Кузнецке, как и по всей Советской стране, счастливые советские школьники любят дружить... веселиться, ходить друг к другу, беседовать, совместно читать книги, посещать кино». Чекисты выставлялись только как сверхбдительные карьеристы, предъявлявшие детям 10–12 лет обвинения в политических преступлениях, что дискредитировало сами органы НКВД. Цитировались слова Лунькова, что «он чуть ли не каждое дело квалифицировал как контрреволюционное», и его признание, что обвиняемые арестами детей «объективно сыграли на руку врагам народа»⁴⁰.

Автор репортажей поднимался до высокого обличительно пафоса: «Достаточно было получить одну-две жалобы о хулиганских поступках какого-нибудь школьника, как Савкину уже мерещилось громкое контрреволюционное дело. [...] Неусыпное око Савкина зорко следит за всякой дружбой детей, чтобы, получив сигнал, обвинить 12-летнего школьника В. Логунова в создании «антисоветской организации», в «терроре» педагогов, пионеров. Достаточно было обнаружить у 2–3 детей перочинные ножи, как детям предъявляется тягчайшее преступление, предусмотренное статьей 58–8...»

Также Савкин обвинялся в том, что проникал «инкогнито в школы Ленинска» и вёл «допросы детей в отсутствие педагогов с грубейшим нарушением законов, учиняя подписи на протоколах через 2–3 дня»; его же постоянные «провалы в памяти» сопровождалось в газетном материале саркастическими комментариями. На вопрос, каким образом В. Логунову могло быть предъявлено обвинение в вербовочной и организаторской деятельности в 1935 г., когда мальчику было 9 лет, Савкин ответил, что не помнит, «как могла втереться в составленный мною документ эта ошибка», а объясняя, отчего первоначальные 60 детей-антисоветчиков превратились в 160, сослался на вероятную ошибку машинистки. На вопрос прокурора: «Можно ли квалифицировать проступки детей как контрреволюционные, ведь военная прокуратура прекратила дело за отсутствием состава преступления?» чекист откровенно заявил: «Я знал только одну статью — 58 и под эту статью подводил все преступления». Газета негодовала по поводу того, что подсудимые, стараясь уйти от ответственности за фабрикацию следственных материалов, пытались свести дело только к нарушению буквы закона от 7 апреля 1935 г. 41

«Советская Сибирь» давала чекистам резкие характеристики, которые позволяли читателям почувствовать технологию фальсификации: «Савкин — душа и организатор провокации, Луньков — его вдохновитель и руководитель. Слепо, по-чиновничьи выполняя любое поручение, данное ему, Луньков не останавливается перед тем, чтобы сгустить краски, дать делу «политическую окраску» Делается это быстро, в один присест. Савкин приносит десятки протоколов допросов, пишет донесения, а Луньков, не читая многих документов, утверждает их»⁴². Здесь уместно вспомнить, что, исполняя осенью 1937 г. обязанности начальника Куйбышевского оперсектора УНКВД НСО, Луньков, согласно его показаниям 1950-х гг., утверждал многочисленные постановления об арестах и обвинительные заключения «в большинстве своем не читая их»⁴³.

Об А.И. Белоусове говорилось, что это «залгавшийся, страшно развязный обер-мастер провокации», дающий показания «с удивительным спокойствием». На вопрос прокурора: «Значит дети сидели в тюрьме восемь месяцев напрасно?» чекист цинично бросил: «А мне-то что!» Прокурор привёл факт ночного допроса Белоусовым 10-летнего Володи, признавшегося, что состоит в фашистской террористической организации с 1935 г., т. е. с семилетнего возраста. Также отмечалось, что в документах следствия и сообщениях в инстанции возраст преступников сознательно не указывался (это говорит о том, что количество арестованных детей могло быть несколько большим, чем можно видеть из известных документов; к сожалению, единственная известная нам публикация следственных материалов «детского дела», предпринятая Б. Антоновым, носит очень ограниченный характер). Газетные материалы дают информацию о том, что под арестом находились и девочки. Свидетельница Красильникова показала, что «ученица А. из школы № 3 и до ареста не была замечена в антисоветских поступках, освобожденная из-под ареста... учится сейчас хорошо, поведение у ней хорошее»⁴⁴.

В большой речи государственного обвинителя первая половина относилась к описанию подвигов органов ВЧК-НКВД, которые, разумеется, не могли нести ответственность за преступления обвиняемых, дискредитировавших социалистическую законность: «Савкин и Белоусов с невиданной легкостью при допросах детей превращали невинную детскую рогатку для стрельбы по воробьям в грозное орудие, потрясающее государственные основы». Повторяя классическую для всех обвинений по адресу провинившихся неразборчивым террором чекистов претензию, что благодаря репрессиям в отношении невинных ответственности избегали настоящие враги, прокурор заявил, что чекисты Ленинска-Кузнецкого не выявляли действительных врагов, действовавших

за спинами детей. Получалось, что антисоветский заговор существовал, только в него входили взрослые, оказавшиеся при этом безнаказанными.

Пообещав, что «мы и впредь будем вести беспощадную борьбу со всеми нарушениями закона, от кого бы они ни исходили», обвинитель затребовал для прокурора Клиппа, механически дававшего санкции на аресты, и Белоусова по 5–6 лет заключения, для Лунькова — 8 лет и для Савкина — 10, а также предложил осудить как участника фабрикации «детского дела» свидетеля М.М. Шапира. Адвокат Фомичев заявил, что Савкин и Белоусов — слепые исполнители, которые действительно могли не знать закона от 7 апреля 1935 г., и к ним следует проявить снисхождение. Защитник Воскобойников, повторив довод о слепой исполнительности, указал, что Луньков ранее работал честно, а Клипп лишь недолгое время исполнял обязанности горпрокурора. Цитируя адвоката, просившего смягчить наказание Лунькову и Клиппу, газета словом «якобы» выразила своё отношение к его доводам: «были якобы слепыми исполнителями данных им указаний» (вероятно, во время процесса Луньков ссылался на директивы управления НКВД, что, конечно, было опущено в репортажах, где, напротив, говорилось о преступном введении Луньковым вышестоящих инстанций в заблуждение).

Огласив вечером 22 февраля 1939 г. приговоры за злоупотребление служебным положением (Савкин — 10 лет, Луньков — 7, Белоусов и Клипп — по 5 лет заключения; без поражения в правах, но с лишением званий), военный трибунал пограничных и внутренних войск НКВД Западно-Сибирского округа также постановил привлечь свидетеля М.М. Шапира в связи с «детским делом» к уголовной ответственности по ст. 193–17 УК45. По всей видимости, Шапир избежал серьёзного наказания, ибо на 1940 г. являлся начальником отдела кадров Красноярского машиностроительного завода46.

Судьбы осуждённых фигурантов, очевидно, не слишком сильно отличались. Традиционно Фемида была благосклонна к проштрафившимся работникам «органов». Нам неизвестно, сколько провели за решёткой начинавший свою чекистскую службу в 1921 г. Белоусов и боявшийся чекистов прокурор Клипп. Вряд ли они отбывали срок полностью, ведь более серьёзно наказанные их поделщики не задержались в заключении. Луньков был амнистирован по ходатайству НКВД СССР в декабре 1941 г. и в марте следующего года в составе отряда «Местные» под командованием С.А. Ваупшасова оказался заброшен в Белоруссию. Являясь начальником штаба отряда, капитан Луньков (под фамилией Лось) в сентябре 1943 г. за «образцовое выполнение заданий правительства по охране государственной безопасности в условиях военного времени» был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени и вскоре представлен к награждению орденом Красного Знамени. Вернувшись не позднее 1944 г. в Сибирь, Луньков работал в Томском ГО НКГБ, был восстановлен в членах партии и в 1949 г. оказался утверждён заведующим отделом планово-финансово-торговых органов Томского горкома ВКП (б). В 1956 г. бывший чекист работал старшим диспетчером завода в закрытом атомном г. Томск-7 (ныне Северск) Томской области47. А.И. Савкин в годы войны также был освобождён и отправлен на фронт, где военный трибунал 16-й литовской стрелковой дивизии в июле 1943 г. снял с него судимость. В 1956 г. Савкин руководил отделением связи с. Красный Яр Колыванского района Новосибирской области48.

Восприятие современниками и позднейшими исследователями уникальных и довольно откровенных материалов провинциальной сибирской газеты, проливавших свет на механику Большого террора, оказалось не вполне адекватным. Искажённая рецепция повлияла на значительное преувеличение в литературе масштабов репрессий в ходе «детского дела». Наша работа отнюдь не исчерпывает вопросов, которые следует задать и по поводу дела, и относительно последовавшего суда над его виновниками. Будучи единственным в своём роде, открытый процесс над чекистами Кузбасса нуждается в дальнейшем изучении. Неизвестные пока документы спецслужб как Кемеровской и Новосибирской областей, так и Лубянки в будущем помогут дополнить и уточнить сведения о потайных приводных ремнях и деталях «детского заговора», осветить связанные с ним эпизоды.

Примечания

- 1 *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М., 2004. С. 118.
- 2 В региональной прессе того периода были единичные случаи появления умеренно подробных сообщений о разоблачении отдельных работников НКВД, допустивших «перегибы» в отношении коммунистов, как, например, начальника Ишимского РО УНКВД по Омской области Н.А. Бараусова. См. Клеветник Бороусов // Омская правда. 1939, 30 июня.
- 3 *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. М., 1991. С. 170–171.
- 4 *Медведев Р.* О Сталине и сталинизме // Знамя. 1989. N 3. С. 158.
- 5 Однако важно, что Конквест отмечает также факты содержания малолетних под стражей в других регионах, приводя воспоминания заключённого Вайсберга, который в харьковской тюремной больнице видел детей, в том числе 9-летнего мальчика. *Конквест Р.* Большой террор. Т. 2. Рига, 1991. С. 24–25.
- 6 См. *Семенов Ю.* Собрание сочинений. Т. 8. Ненаписанные романы. М., 1994.
- 7 *Антонов Б.* Заговор детей // Разыскания. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. Кемерово, 1992. С. 70.
- 8 ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 258. Л. 118–119 об., 136.
- 9 Известия. 1935. N 81. 8 апр.; Советское уголовное право. Библиотечка районного прокурора. Вып. III. / Под ред. А.Я. Вышинского. М., 1939. С. 7–8.
- 10 *Тепляков А.Г.* Опричники Сталина. М., 2009. С. 182.
- 11 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 31. Л. 37; Оп. 18. Д. 9627 (л. д. М.М. Портнягина).
- 12 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 76. Л. 77.
- 13 *Павлов С.М.* Кузбасская Голгофа. Кемерово, 2008. С. 213–214; РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 810. Л. 2.
- 14 АУФСБ по НСО. Д. П-6195. Л. 171–173.
- 15 Там же. Д. П-8139. Л. 281, 300–305.
- 16 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 18. Д. 7332 (личное дело). Л. 1–6; Оп. 34. Д. 74. Л. 77.
- 17 Советская Сибирь. 1939. 23 февр. С. 4.
- 18 АУФСБ по НСО. Д. П-4421. Т. 5. Л. 422–423; *Тепляков А.Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929—1941 гг. М., 2008. С. 352, 538.
- 19 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 74. Л. 77 об., 78.
- 20 Там же. Д. 66. Л. 1–6.
- 21 Там же. Д. 74. Л. 78; Д. 67а. Л. 26.
- 22 Там же. Д. 74. Л. 78; *Антонов Б.* Заговор детей □ С. 71.
- 23 *Кузнецов И.Н.* Знать и помнить. Историческое исследование массовых репрессий и реабилитации жертв террора 30-х годов. Томск, 1993. С. 46–48.
- 24 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 68. Л. 7–9.
- 25 Там же. Д. 66. Л. 18, 21.
- 26 Там же. Л. 22.
- 27 *Антонов Б.* Заговор детей □ С. 71.
- 28 Советская Сибирь. 1939. 22 февр. С.4; 23 февр. С. 4.
- 29 *Тепляков А.Г.* Машина террора □ С. 402–403.
- 30 *Ишов М.* Годы потрясений // Расправа: прокурорские судьбы. М., 1990. С. 193–306.
- 31 *Антонов Б.* Заговор детей □ С. 72, 74.
- 32 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 66. Л. 26.
- 33 Советская Сибирь. 1939, 24 февр. С. 4.
- 34 ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 66. Л. 11, 13.
- 35 Там же. Л. 22.
- 36 *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936—1946 // Минувшее. Историко-литературный альманах. Вып. 21. М: СПб., 1997. С. 257, 260.
- 37 ГАНО. П-4. Оп. 34. Д. 67а. Л. 28–29; Д. 74. Л. 79 об.
- 38 Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и гос. власти. М., 2006. С. 9, 562.
- 39 *Антонов Б.* Заговор детей... С. 72.
- 40 В Военном трибунале. Судебный процесс над злостными нарушителями социалистической законности // Советская Сибирь. 1939. 22 февр. С. 4.

- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х — 1930-е годы). М., 1995. С. 227–228; АУФСБ по НСО. Д. П-8139. Л. 300–304.
- 44 Советская Сибирь. 1939. 24 февр. С. 4.
- 45 Там же.
- 46 Архив УФСБ по НСО. Д. П-4102; П-5425. Т. 1; Д. П-14452. Т. 4; Д. П-18812; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 74. Л. 78. В литературе приведены неоткомментированные показания видного чекиста Я.А. Пасынкова с ложной информацией о смерти Шапира в 1947 г. — См. Без грифа «секретно» / Сост. И.Н. Кузнецов. Новосибирск, 1997. С. 140.
- 47 Архив УФСБ по НСО. Д. П-2553; Д. П-4510; Д. П-8139; ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 150. Л. 8; Д. 1093. Л. 11. Отметим, что осуждённый предшественник Лунькова И.Ф. Золотарь в 1942 г. был амнистирован и возвращён в НКВД-НКГБ.
- 48 Архив УФСБ по НСО. Д. П-3480. Т. 2. Л. 320; Д. П-4436. Т. 2. Л. 263, 264; Д. П-11210. Т. 2. Л. 31.

Впервые опубликовано: Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сборник материалов франко-российского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.). — Новосибирск, 2011. С. 141–154.